

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Беляев М.А., Денисенко В.В., Кулик А.В.,
Лаптева Л.Е., Михайлов А.М.**

**Ценностные основания российской правовой системы:
проблемы философии, истории и теории права**

Москва 2019

Аннотация. Работа посвящена осмыслению ценностных оснований российской правовой системы. Исследованы конкурирующие системы ценностей и определен характер их влияния на направление правовой политики, правотворческую и правоприменительную деятельность.

Лаптева Л.Е., декан юридического факультета им. М.М.Сперанского ИПиНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кулик А.В., старший преподаватель кафедры истории и права ИПиНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Михайлов А.М., доцент кафедры истории государства и права ИПиНБ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Беляев М.А., научный сотрудник Института государства и права РАН

Денисенко В.В., доцент кафедры международного права и теории государства и права Воронежского государственного университета

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Правовые ценности в контексте социальной легитимации, правовой политики и эффективности правового регулирования.	
1.1 Природа, механизмы формирования и значение правовых ценностей в правовой системе общества	7
1.2 Ценностные основания правовой политики и эффективность правового регулирования.....	17
1.3 Социальная легитимация правовых институтов как процесс усвоения юридических ценностей субъектами права.....	26
1.4 Закономерности связи ценностной сферы и эффективности правового воздействия.	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Современная правовая система России переживает период ярко выраженной «инфляции законотворчества». Одной из важнейших причин этого следует признать существенный разрыв между легализуемыми юридическими конструкциями, традиционным ядром ценностей и типом властной легитимации. Технократический дискурс вытесняет этическое основание нормативной системы, повышает риск лоббистского обоснования и продвижения «экономически эффективных» или даже коррупциогенных законов. Общеправовой принцип справедливости исчезает как практически значимый по мере того, как плюрализм, допускающий равенство разных представлений о должном, ведет к девальвации традиционных идеалов, нравственному и вообще ценностному релятивизму.

Между тем, юриспруденция, как форма организации сознания и только потом как сфера профессиональной деятельности, не может не иметь под собой значимые для правовой доктрины и правовой мысли ценностные основания. Выявление, а затем и учет доминирующих ценностей в юридических практиках способствуют корректировке и решают задачу повышения эффективности любой правовой системы. Для понимания того, как обеспечить легитимацию принимаемых правовых норм, правовая доктрина должна всесторонне исследовать и идеологический, и историко-культурный аспекты тех базовых юридических конструкций и идей, которые принято называть политико-правовыми ценностями.

Указанные задачи решает юридическая аксиология, основная предметная область которой концентрируется вокруг проблемы ценности права, ценностного значения закона и государства. Возникновение и развитие ценностного подхода к изучению права и государства связано с естественно-правовыми учениями, задающими правовой теории сравнительный дискурс: право и закон как должное и сущее. Акцентирование естественно-правового подхода неизбежно приводит к артикуляции в качестве политико-правовой ценности концепта справедливости, особенно близкого российскому традиционному аксиологическому строю. Одной из первых отечественных работ, посвященных указанной проблематике, стало коллективное исследование «Политико-правовые ценности: история и современность» (М., 2000. Отв. ред. В.С. Нерсисянц). Отдельные аспекты этой проблематики в рамках проблемы ценностей власти рассматривались в работах В.С. Мартянова.

Прикладные исследования в сфере политической аксиологии проводятся в последние годы представителями отечественного неоевразийства. Развивая идеи В.

Вернадского, Л. Гумилева, Н. Чавчавадзе, Д. Леонтьева, В. Багдасарян и С. Сулакшин («Высшие ценности Российского государства». М. 2012) пытаются соединить аксиологический дискурс с практикой государственного управления. Ценности используются в качестве одной из базовых управленческих категорий. Их учет рассматривается как важное условие процветания государства, тогда как пренебрежение ими само по себе может объяснить крах любой государственности.

Интересно, что работы, претендующие на прикладную значимость, ищут опору в российской истории. Идеализация державного прошлого претендует сегодня на то, чтобы выступить основой критики либеральных ценностей, прежде всего, индивидуальной свободы, внедренных в свое время не как идеологическая основа юридикации свободного статуса личности в демократическом государстве, а в качестве попытки правового обоснования свободы только экономической деятельности и методов дикого капитализма эпохи первоначального накопления. По ошибке или сознательно, подобное «вульгарно экономическое» позиционирование ценности правовой свободы привело к её обесцениванию в глазах основной массы российского населения. Именно поэтому державность, порядок, национальная безопасность, а также духовность, патриотизм имеют шанс вновь занять исключительное место среди базовых ценностей, вокруг которых формируется национальная идея. Возвращение идеи патриотизма в национальное сознание – вещь хорошая, она способствует сплочению нации. Однако отказ от правового наполнения принципов свободы, достоинства личности и справедливости неизбежно ведет к эскалации бюрократического произвола, коррупции как последствию размывания системы нравственных ориентиров.

Существует современное научное направление, в рамках которого проводится аналогия между стратегией построения корпоративной культуры и соответствующей деятельности государства (которое в данном случае понимается как высшая в иерархии корпораций) [1]. Одним из значимых выводов этих исследований можно признать тот, что стремление к личному самоутверждению влечет за собой пониженную заботу о справедливости и равенстве в стране [2]. Интересно, что в основе роста гордости за страну и активизации других форм национального самосознания лежат эгоистические ценности, и индивидуальный эгоизм просто переносится человеком на уровень страны [3. С.31-38].

Теоретическую основу настоящей юридической аксиологии составляют разработки ученых в сфере философии и общей теории права. Прежде всего, это труды таких современных правоведов, как С.С. Алексеев, А.М. Васильев, О.С. Иоффе, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лазарев, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев, В.С. Нерсисянц, А.В. Поляков,

Л.И. Спиридонов, Н.Н. Тарасов, И.Е. Фарбер, И.И. Царьков, А.Ф. Черданцев, И.Л. Честнов, В.Е. Чиркин и др.

Значительное влияние на формирование концепции настоящего исследования оказали труды представителей российского дореволюционного правоведения, в частности, таких авторов, как Н.Н. Алексеев, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, А.И. Покровский, Ф.В. Тарановский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич.

Исследование правовой аксиологии в сравнительно-правовом контексте потребовало обращения к трудам таких известных компаративистов и историков права как Э. Аннерс, М. Ван Хук, Р. Давид, И. Исаев, А.В. Кнапп, М.Н. Марченко, Ю.А. Тихомиров, К. Цвайгерт, и др. Междисциплинарный подход к изучению ценностных оснований общественной идеологии был отражен в работах Д.А. Леонтьева, В.А. Вайпана, Г. Калабреззи и др.

Важной отправной методологической посылкой является постулирование ценности правовой свободы, интерпретируемой как принцип формального равенства индивидов. «Свобода» без равенства представляет собой основу идеологии элитарных привилегий, а «равенство» без свободы – идеологию угнетенных масс. Именно этот концепт ныне подвергается сомнению, поскольку ему противопоставляется идея порядка как ключевой гарантии безопасности.

Этический и экономический взгляд на право позволяет отыскать новые грани в проблематике юридической аксиологии. Позиция внешнего наблюдателя, представляющего смежные общественные науки, позволяет выявить значимые для юриспруденции междисциплинарные ценности. Этические основания права как «минимума нравственности» приобретают особое значение в современной российской действительности, усвоившей худшие принципы организации общества времён «дикого» капитализма. Экономический подход нередко служит плохую службу, поскольку бухгалтерской стороной дела не может и не должна исчерпываться оценка эффективности закона, однако взгляд экономиста нередко выхватывает проблемные и даже парадоксальные примеры иерархии ценностей в законотворчестве и правоприменительной практике [4].

1 Правовые ценности в контексте социальной легитимации, правовой политики и эффективности правового регулирования.

1.1 Природа, механизмы формирования и значение правовых ценностей в правовой системе общества

Как известно, право представляет собой нормативный социальный регулятор, направленный на достижение общественно полезных целей – искоренения из общественных отношений произвола, нецивилизованных форм разрешения социальных конфликтов. При этом в качестве самостоятельного социального институционального регулятора право всегда синтезирует в себе систему отношений (без них это лишь памятник), регулирующих их норм (без них остается лишь традиция или идеология) и систему идей, представлений об этих отношениях в общественном сознании. Любая эффективная регулятивная деятельность может быть рассмотрена как взаимосвязанная система ценностей, целей и средств. В основании процесса постановки социальных целей, определения средств их эффективного достижения лежат, прежде всего, определенные ценностные основания.

Более того, допустимо утверждать, что ценностно-целевые структуры, служащие предельным фундаментом правовой системы общества, задают рамки восприятия юридических институтов и видов юридической деятельности со стороны профессионального и общественного сознания. В свою очередь ценностно-целевые «рамки» способны формировать целенаправленный поиск адекватных юридических средств для разрешения социальных ситуаций, входящих в предмет правового регулирования. Именно в этом заключается организующий потенциал правовых ценностей, который обуславливает обращение теоретиков и историков права к предметному изучению проблематики правовых ценностей, процессу их формирования, эволюции и действия на различных уровнях национальной правовой системы.

Несмотря на то, что в традиционном правоведении проблематике ценностных оснований системы позитивного права не придается серьезного внимания, нельзя отрицать то, что система норм права всегда имела и имеет под собой ценностные основания. В современной юриспруденции практически общепризнанно, что принципы права, «вбирающие» в себя основополагающие идеи правового регулирования, фундирующие

собой правовые отрасли, институты и придающие им особый «цвет» (в силу чего принципы права и включаются в содержание отраслевых правовых режимов), вбирают в себя определенные социально легитимированные ценности, которые и позволяют формировать целостность того или иного правового образования (цикла, отрасли, подотрасли, института, подинститута, ассоциации норм)[5]. Иными словами, именно принципы права, неизбежно вбирающие в себя социально признанные ценности, позволяют интегрировать правовые нормы и институты в единое целостное образование.

Важно также обратить внимание на то, что действительное функционирование любой правовой нормы невозможно без ее социальной легитимации – процесса, протекающего в общественном сознании, в котором нет строгих и навсегда определенных границ между правовыми и неправовыми социальными регуляторами. Поэтому подавляющая часть норм права, за исключением, возможно, сугубо технико-процедурных, действует (психосоциальный аспект механизма правового регулирования) в контексте всех социальных регуляторов (правовая система, как и все социальные системы, по своей природе открытая). Поэтому ценностные основания любой правовой системы тесно связаны с моральными, религиозными и политическими ценностями общества, с «центральным ядром» ценностного фундамента, определяющего специфику той цивилизации, к которой исследуемое общество принадлежит.

Право неизбежно связано с ценностным строем личности, поскольку как особый нормативный регулятор право действует исключительно через воздействие на правосознание и правовое поведение соответствующих адресатов. Поэтому далеко не случайно, что процесс становления права, правовой регуляции целый ряд ученых-юристов начинает раскрывать через исследование процессов, происходящих в общественном правосознании и правовой культуре [6. С.86-106]. Так, авторитетный теоретик права С.С. Алексеев писал: «Собственно сама идея правового или неправового, в том числе при зарождении права, и выступает в виде формирующегося, первичного правосознания» [7. С.143,145].

Процесс от дифференциации права от иных социальных норм начинается именно с общественного сознания, которое, под влиянием множества факторов, начинает формировать определенный ценностный строй и воспринимать право, как относительно самостоятельный нормативный регулятор; формируется первоначальная идея права. По мнению В.А. Туманова, идея права «выражает такую закономерность, которая

характеризует существенное во всем процессе, на всем протяжении его протекания и поэтому осознается в общем виде раньше, чем подробности и детали» [8. С.37].

Если признать в качестве одной из отправных точек исследования утверждение о том, что идеальный план правосознания генетически первичен по отношению к формированию права как институционального нормативного механизма регулирования, то следует признать, что ценностный строй общественного и индивидуального правосознания играет определяющую роль в процессе «отдифференциации» права от иных регулятивных систем, что право обладает особым комплексом ценностей, который позволяет осуществлять собственно юридические функции.

При раскрытии вопроса о ценностных основаниях правовой системы, правовых ценностях в целом нельзя не отметить, что исследование данного вопроса неразрывно связано с проблематикой типов правопонимания. Понимание природы права, его сущности и предназначения неизбежно обуславливает и понимание правовых ценностей, их характера, происхождения, значения. Вместе с тем мнение о том, что право как регулятивный механизм обладает собственным комплексом ценностей, признают далеко не все ученые-юристы и философы права. Так, в рамках концепции юридического позитивизма право рассматривается как ценностно нейтральный нормативный регулятор, способный выражать совершенно различные ценности — в зависимости от воли государственной власти. Поскольку, с позиции целого ряда представителей юридического позитивизма (Дж. Остин, Г. Кельзен, и др.), содержание права может быть совершенно любым, постольку право не рассматривается как регулятор, обладающий собственной ценностью. Так, Г.Кельзен прямо утверждал, что «при постулировании основной нормы не утверждается никаких ценностей, вне положенных позитивному праву» [9. С.78]. Следует согласиться и с Н.В. Варламовой, которая справедливо указывала, что «позитивисты придают праву инструментальную ценность как средству обеспечения определенного порядка общественных отношений. Одновременно в качестве телеологической ценности выступает сам «порядок». Другими словами, упорядочение общественной жизни осуществляется ради самого упорядочения» [10. С.11].

Юридический позитивизм не рассматривает ценностную проблематику в праве как принадлежащую предмету юридической науки; право рассматривается с позиции юридического позитивизма в отрыве от человеческого сознания, человек для него — всего лишь пассивный реципиент законодательства, создаваемого всемогущим государством, которое может исключительно своим чудодейственным прикосновением сделать правило

поведения правовым. Далеко не случайно указание Б.Н. Чичерина на то, что «позитивизм, как и материализм, ведет к разрушению самой идеи права, так как для него не существует субъекта – носителя безусловной ценности» [11]. С позиции юридического позитивизма, человек — не более чем субъект правоотношений — совокупность юридически значимых качеств, которые определены нормами «объективного» права, установленного государством (воля государства, выраженная в официальных текстах законодательства, в одностороннем порядке определяет, кто является и не является субъектом права); человек — носитель индивидуального правосознания — отражения в сознании позитивного права; степень развитости индивидуального правосознания опять же оценивается исключительно объемом и глубиной познаний позитивного права.

С позиции юридического позитивизма в механизме правового регулирования все начинается с принятия норм законодательства государством, полностью игнорируется человеческий фактор как до момента вступления такой нормы в юридическую силу (общественные потребности, вызвавшие к жизни тот или иной закон, индивидуальное и групповое правосознание парламентариев, лоббирование, информационное воздействие, общественный контроль и др.), так и после («жизнеспособность» нормы, механизм и противоречия реализации, эффективность и др.) — поскольку юридическая сила, по воззрениям юридического позитивизма, нисколько не зависит от действительности, реализуемости нормы на практике, это равносильно утверждению, что оферта всемогущего контрагента автоматически превращается в действительное соглашение. Откуда же взяться ценностной оправданности права, его способности выражать социально признанные ценности, ведь социальная легитимация всегда имеет под собой ценностные основания: «дух» и содержание закона должны соответствовать ценностям, разделяемым большинством общества, «центральной зоной» адресной культуры.

Поэтому вполне справедливый упрек бросил юридическому позитивизму Г. Радбрух: «Позитивизм не в состоянии самостоятельно обосновать действительность закона. Позитивизм исходит из того, что действительность закона доказывается его способностью силой добиваться его исполнения» [12. С.233]. Нельзя не согласиться с позицией В.С. Нерсесянца, который достаточно развернуто и обоснованно изложил основные критические аргументы в адрес восприятия проблематики ценностных оснований права юридическим позитивизмом: «Уже первые же вопросы, неизбежно встающие при исследовании правовой темы: что такое право вообще, в чем состоит позитивность права, каков механизм этой позитивации, каковы генезис, функционирование, ценность, роль, назначение, содержание

«позитивного права» и т. п. — ставят позитивистов в теоретический тупик, демонстрируя поверхностность, непоследовательность и теоретическую беспомощность их воззрений и построений. Позитивистское отбрасывание теоретических рассуждений о праве сопровождается не только игнорированием материально-общественных корней права, но и искажением (непониманием и неприятием) духовной стороны права. Не замечая того, что право — специфическая форма общественного сознания, они закрывают путь к выяснению роли сознания (в том числе — правового сознания — и не только законодателя, но и вообще всех участников правового общения — правосознания как теоретического, так и практического) в процессе «позитивации» права, его генезиса и действия» [13. С.313,314]. Принятие в качестве исходной методологической позиции юридического позитивизма не даст возможности исследовать проблематику ценностных оснований национальной правовой системы России.

Господство юридико-позитивистских представлений в качестве идеологической основы правотворческой деятельности государства, на наш взгляд, приводит к целому ряду негативных последствий, среди которых отчуждение человека от действующей системы права, неспособность позитивного права соответствовать ведущим ценностям общественного правосознания.

Отчуждение человека и различных социальных групп от государственно оформленного позитивного права современности — есть следствие высокой культурной гетерогенности, «мультикультурности» современной западной цивилизации, которая делает практически невозможным соответствие императивов позитивного права ценностям всех или большинства культурно разнородных социальных образований. Именно поэтому, на наш взгляд, в современных правовых системах превалирует исключительно процедурный тип легитимации правовых норм (законная процедура, принцип большинства), который сугубо формалистичен [14. С.97] и представляет собой попытку — путем замены содержания ценностей на содержательно «пустую» (нейтральную) ценность соблюдения надлежащей процедуры — минимизировать ценностные расхождения различных социальных групп в законотворческом процессе.

Вместе с тем исключительно «процедурная» легитимация позитивного права не только не в состоянии гарантировать отсутствие противоречий интересов субъектов на этапе правореализации, но и, по существу, приводит, за редкими исключениями, лишь к поверхностной интериоризации правовых правил поведения в общественном, групповом и индивидуальном сознании, что выражается, в частности, в высокой степени правового

нигилизма, маргинальном и конформном правомерном поведении, в наличии «теневого права» и других проявлениях фиктивной «бумажности» позитивного права. Именно поэтому фундаментальным вопросом как для классического юснатурализма, так и для исторической и социологической школ правопонимания является вопрос – «достаточен ли для права формальный критерий «установленности» или же существуют в праве какие-то иные, материальные критерии?» [15. С.24].

Следует согласиться с Г.В. Мальцевым и Ю.В. Тихонравовым, которые подразделяют подходы к понятию права на субстанциональные и формальные [16. С.34-36]; [27. С.12]; [28. С.54-56]. Субстанциональный подход к праву связывает его действительность с его ценностным содержанием; «в отличие от субстанциональных, формальные определения права связывают действительность нормы права не с ее содержанием, а с формой или способом ее создания, действия, обеспечения» [16. С.35].

В современной российской юриспруденции между сторонниками идеологически нейтрального и ценностносодержательного правопонимания ведутся довольно острые дискуссии. К примеру, представители юридического либертариизма трактуют свободу и формальное равенство в традиции западного либерализма, вкладывая в эти концепты определенные социокультурные коннотации. Согласно либертарно-юридической концепции сущностью права выступает принцип формального равенства «в свободе», при соблюдении которого каждый свободен в равной мере и свобода одного человека ограничена свободой другого. При этом свобода воли в праве – есть отсутствие внешнего принуждения, возможность совершать действия, обусловленные своей, а не чужой волей [19. С.54-56]; [20. С.49].

Самым ранним и до сих пор одним из наиболее влиятельных подходов к пониманию правовых ценностей выступает естественно-правовой подход. Возможно утверждать, что с позиции данного типа правопонимания все право сводится к определенному набору исторически неизменных, всеобщих ценностей, которые содержатся в самом устройстве природы, человека и общества. Как справедливо указывал Ж.-Л. Бержель: «Общей основой различных «естественно-правовых» тенденций служат несколько фундаментальных идей, а именно: утверждение, что естественное право происходит от природы; идея о существовании неписаных законов, высших по отношению к позитивному праву и довлеющих над ним; идея, согласно которой стремление к (идеальной) справедливости первично по отношению к уважению (реальных) законов; идея незыблемости определенных ценностей, которые одерживают верх над ценностями, приносящими людей в жертву государству» [32. С.43]. Юснатурализм, по-видимому, является самым первичным

выражением представления о праве как выражающем объективно существующие, не созданные человеческой волей ценности, которые заложены в самом устройстве правовой действительности и только открываются посредством разума.

Само понятие «естественное право» уже говорит о том, что классические юснатуралисты воспринимали право в качестве естественной, очевидной социальной ценности, которая по определению является первичной, универсальной, объективной и стоит безусловно выше других социальных регуляторов. Классическому юснатуризму свойствен правовой идеализм, ставящий акцент на самостоятельной, собственной ценности права. Основные идеи естественно-правовой школы XVII–XVIII вв. основываются на вере в безграничные возможности переустройства общественной и государственной систем через закрепление естественно-правовых нормативов в позитивном праве государства. Именно для представителей классического юснатуризма подлинное право сводится к «системе интеллектуальных представлений, образующейся в соответствии с присущими ей принципами и совершенно независимой от явлений социологического или исторического порядка» [21. С.35]. Естественное право, как «дар» совершенной и разумной природы человеку, абсолютизируется: оно является конечным и безусловным основанием всей системы социального регулирования; естественное право не зависит ни от морали, ни от религии, ни от традиций нации, оно по определению «над-социально» и «вырастает» из самого себя, являясь совершенно самодостаточным; система норм позитивного права – есть лишь дедуктивное развитие естественно-правовых принципов. Естественно-правовой стандарт должного имеет ценность сам по себе и не нуждается в историко-культурных обоснованиях [22. С.134]; и потому мир юридического в восприятии классического юснатуризма фактически раздваивается: не имеющая никакой ценности «плоскость» сущего — сословного позитивного права, и безусловно подлинная «плоскость» должного — естественного права, которые нигде не пересекаются.

Нельзя не согласиться с Г.В. Мальцевым, который писал: «Образ должного приходит с новыми идеологиями, направлениями социальной философии и теориями на почве критического восприятия действительности, глубокого разочарования фактическим положением дел. Должное является для того, чтобы по-новому связать факты, перевести их в иную плоскость отношений, оно возникает на гребне благих желаний и стремления к лучшему будущему, из романтической мечты принести счастье человечеству. При помощи связки «сущее и должное» решаются проблемы, лежащие между настоящим и будущим» [23. С.761-762].

Другим теоретическим подходом к пониманию природы правовых ценностей можно назвать историко-культурный подход, который был сформирован в философии и теории права благодаря исторической школе юристов. Представители исторической школы права исходили из убеждения, что действительно существующее право обусловлено историей и культурой определенной нации. «Исторически данное господствует над нами... всякая эпоха должна признавать нечто исторически данное, которое в одно и то же время необходимо и свободно: необходимо, поскольку оно независимо от особенного произвола настоящего времени, свободно, потому что оно не вышло из чужого произвола (например, из веления господина своим рабам), но добыто из высшей природы народа, как непрестанно становящегося и развивающегося целого» [24. С.311]. Исторически необходимое право не может «стоять выше» социокультурной действительности, и, тем более, претендовать на ее кардинальное преобразование исключительно на рационально-идейной основе. Как указывал С.А. Муромцев: «Отрицательное отношение к существующему порядку вещей, пропитавшее собой политическую философию естественного права и поставившее действительность вразрез с требованиями разума, заменилось положительным отношением. Его водворение в науке привело к изучению истории с новыми целями» [25. С.2].

Подлинное право народа, по мнению основоположников исторической школы, не может быть окончательно отграничено от других форм выражения «народного духа» — языка, традиций, учреждений. Обычное право, согласно корифеям исторической юриспруденции, развивается единственно в органической взаимосвязи со всеми проявлениями общего сознания нации и только в этой органической целостности оно является подлинным, «живым». Это означает, что в обычном «праве», чтобы оно было настоящим и реально действенным, должны быть воедино слиты и нравственные, и религиозные, и бытовые, и политические, и собственно юридические моменты: подлинное обычное право народа, в восприятии сторонников исторической школы, слитно, неотдифференцировано. Поэтому у юридических правил поведения, взятых в отрыве от всех иных форм проявления народного духа, нет собственной самооценности, подлинное право не способно быть окончательно формализовано, оно не абсолютизируется, а выполняет служебную по отношению к духу и культуре общества роль, является неотъемлемой функциональной частью целостного механизма социальной регуляции.

Принимая во внимание социокультурную обусловленность права в понимании «историков», невозможность его полного «отвлечения» от реальности народной жизни, следует указать, что постулирование единственного источника права в лице самобытного «народного духа» и указание на юридическое сообщество как выразителя народного права

на языке юриспруденции историческая школа не отрицает и относительную самостоятельность права как важного института, через который выражается «народный дух».

Вместе с тем правовые ценности с позиции подхода исторической школы, во-первых, детерминированы историческим прошлым нации, ее закономерным эволюционным развитием; во-вторых, выражают специфические характеристики уникального «народного духа», носят общенациональный, а не корпоративный, групповой характер; в-третьих, тесно взаимосвязаны с иными ценностями определенного народа; в-четвертых, должны найти свое выражение в позитивном праве через деятельность юридического сообщества.

В аксиологическом аспекте как для представителей исторической юриспруденции, так и для представителей социологического типа правопонимания, в отличие от их предшественников юснатуралистов, право представляет собой лишь относительную, социокультурно обусловленную, а не абсолютную, внесоциальную, исторически и культурно инвариантную ценность. Право, обладая определенной степенью автономии, тем не менее, действует всегда в контексте всей общественной практики, иных социальных регуляторов. Поэтому ценностные основания правовой системы объективно задаются всем предшествующим развитием народа и спецификой его культуры.

Для представителей социологической школы общество – это совокупность разнохарактерных социальных групп, сообществ, которым чужды единые ценностные начала. Симптоматично то, что весьма значимые фигуры, с которыми традиционно связывают развитие социологии как науки (Г. Зиммель, М. Вебер) не рассматривали общество как некую духовную общность, а, напротив, воспринимали его как сложную анонимную структуру с размытыми границами и неопределенными отношениями.

Один из «отцов-основателей» социологической науки М. Вебер любую форму общественного объединения понимал весьма близко к позиции «социального атомизма» как «истечение и взаимосвязь специфического поведения отдельных людей». Совершенно не случайно, на наш взгляд, и утверждение немецкого философа права Р. Циппелиуса о том, что «для социологии не существует какой бы то ни было действующей «коллективной личности», так что если идет речь о государстве, нации, семье, армии и т.п., то подразумевается определенный образ фактического или, по меньшей мере, возможного (и реконструируемого) социального поведения индивида» [26. С.257]. Справедливо утверждение И.Л. Честнова, указывающего, что «позитивистски ориентированные социологические концепции исходят из примата взаимодействия (интеракции) обособленных индивидов – правоотношений. Таким образом, для них общество – это люди,

живущие здесь и сейчас, которые создают для удобства совместного существования право» [27. С.116].

Для социологической школы социальная норма функционирует лишь в социуме и детерминируется социальными отношениями, т.е. норма – ничто без фактов, породивших ее; норма – есть социально типичное, среднестатистическое и в этом смысле нормальное, которое *ab initio* изменчиво, относительно и ограничено пределами того или иного общественного союза. Именно такое представление о социальной нормативности, по нашему мнению, и превалирует в сенсорном типе культуры. Возведенные в абсолют «социальные факты» в крайних версиях американского реализма Дж. Фрэнка или К.Н. Ллевеллина, по сути дела, приводят к отрицанию нормативности права. По мнению К.Н. Ллевеллина и Дж. Фрэнка, «до и помимо судебных решений нет ни прав, ни обязанностей, как нет устойчивых и определенных норм для выявления действительных правоотношений» [18. С.523].

Сторонники социологического подхода к праву абсолютизируют социальное сущее, недооценивая природу права как регулятора общественных отношений в форме нормативных образцов должного поведения, поскольку для них социальные нормы предстают типизированными поведенческими образцами, сложившимися в общественных группах в результате массовидных социальных связей (сущее обуславливает все стандарты должного, включая социальные ценности); в то время как юридические позитивисты не готовы вообще признавать статус правового за непосредственно сформировавшимся в недрах общества моделями поведения, социальными притязаниями пусть даже и больших социальных групп, поскольку, по мнению юридических позитивистов, всем этим феноменам не достает официального признания статуса правил должного поведения в форме государственного санкционирования, что является необходимым признаком права в целом, т.е. механизм создания позитивного права и правового регулирования начинается с постулирования публичной государственной властью в официальных источниках нормативной модели должного поведения. Соответственно, стандарты должного, установленные публичной суверенной властью, определяют социальное сущее.

Поскольку право в социологической юриспруденции понимается не более чем один из аспектов социального взаимодействия, постольку его представители не рассматривают правовые ценности в качестве определяющих начал правовой системы, правового регулирования. Правовые ценности – не более чем получившие признание со стороны общественного союза формы выражения определенных интересов, которые объективно обусловлены всем ходом общественно-исторической практики. Тем самым утверждается

отсутствие собственно правовых ценностей; любые правовые ценности – это производное от интересов образование, выражающее положительную оценку тех или иных объектов, процессов, которые не могут носить исключительно правовой, моральный или какой-либо иной характер – на уровне общественной практики и сознания, поведения людей нет собственно правового как самостоятельного регулятивного механизма.

1.2 Ценностные основания правовой политики и эффективность правового регулирования

В зависимости от типа правопонимания решается важнейшая методологическая проблема разграничения сущностей трех родов, причем каждая сущность (в чисто лингвистическом или логико-языковом отношении) имеет вид нормативного предписания. Речь идет о правилах, принципах и ценностях. Внешне они, как показывают многие авторы, неотличимы друг от друга, однако, их содержание, будучи более или менее абстрактным, все же затрагивает разные стороны пребывания личности в жизненном мире [28,29,30,31. гл.25. С.39-67].

Отождествление правил, принципов и ценностей возможно только в свете крайне формального подхода, когда эти три группы суждений противопоставляются суждениям фактического типа. У такого противопоставления есть основания. К примеру, ни одно правило не может быть проверено на истинность с помощью тех же самых процедур верификации (шире – обоснования), которые требуются для науки. Сказанное тем более верно для принципов и ценностей [32. С.3-32].

Однако, регулирующий характер ценностей, принципов и правил при этом достаточно очевиден. Суждение не могло бы оказывать воздействие на субъектов, если бы его содержание не было достаточно определенным. Об этом говорят результаты многочисленных экспериментов: речь может программировать людей на совершение действий, даже в том случае, когда личность (до момента воздействия) не была склонна к пассивному восприятию навязываемых образцов поведения [33. С.267-277].

Под правилами (rules) принято понимать предписания или модели поведения, в узком смысле совпадающие с нормами. Их характерной чертой является непосредственно присутствующая в формулировке правила деонтическая модальность («разрешено», «запрещено» и пр.). Там, где есть элемент логики, присутствует и вычислимость результата, т.е. последовательное применение множества правил определимо всегда, если определимы последствия каждого правила и ясен порядок их применения в том или ином конкретном случае. Вообще, правила могут быть выстроены в некую однозначную иерархическую последовательность, поскольку сама их структура позволяет группировать

нормативные суждения от наименее к наиболее общим. Общность для того или иного классификационного уровня может определяться по-разному, но всякий раз внешне по отношению к самому правилу. К примеру, можно делать (как это принято в традиционной учебной литературе) отсылку к тому кругу отношений, которому адресовано данное правило. Тогда наивысшая степень общности означает, что мы имеем дело с границей действия нормативной системы вообще. То, что в эту границу не попадает, регулироваться данным комплексом правил не может. Наименее общим в системе было бы индивидуализированное правило, однако, однократное применение такого правила не оправдывало бы тех усилий, которые затрачены на его разработку, в связи с чем естественной границей нормативной системы можно считать предписания, частота исполнения (соблюдения) которых в данной системе минимальна.

Принципы – нормы иного вида, они не адресованы отдельной ситуации, их непосредственный объект воздействия – множества ситуаций, так или иначе типизированных (о значении социальной типизации будет сказано ниже). Принципы вовсе не предполагают, что им можно следовать столь же буквально и непосредственно, как и правилам – для этого недостаточно детализировано само поведение субъекта, а чаще всего никакого упоминания о том, что конкретно нужно делать в той или иной ситуации, принцип не содержит. Нечеткость содержания принципов не позволяет образовать из них вполне упорядоченное множество, т.е. здесь недостижима иерархия. Нечеткость принципа позволяет использовать его в качестве эффективной замены предписанию, если последнее по какой-либо причине отсутствует либо делегитимировано. Здесь предполагается охват множества сходных решений, принимаемых субъектом в зависимости от контекста [34. С.186-211]. Конкуренция принципов, как представляется, может иметь место, но она легко устранима, если дело касается формальных моментов правопорядка, и гораздо труднее – если речь идет о материальных моментах, т.е. области интересов [35. Гл.25 (2) С.302-313].

Ценность (value) – это норма, которая, в отличие от принципа, не является хорошо артикулированной, поэтому традиционно избегает кодификации, и вообще является результатом каких-либо скрытых от позитивистски ориентированного наблюдателя процессов. Ценности, как и правила, напрямую регулируют поведение людей, но делают это не по той же самой схеме (стимул / реакция, действие / последствие), пригодной для строго индивидуального поведения, а за счет интегративного потенциала, так что, если некто следует определенной ценности, он, как правило, никогда не остается в этом следовании одиноким, но образует солидарную общность со многими другими [36. С.153-182]. Следование образцу в поведении является важным для человека само по себе, а не в

перспективе последствий исполнения или нарушения, вследствие чего духовные ценности отличаются от материальных (и отличие коренится в образцах поведения), в некоторых культурах даже противопоставляются. Принцип больше похож на интеллектуализированную квинтэссенцию социального взаимодействия (и потому может быть сконструирован так, что его пределы применения будут обозначены явно), а ценность – на аффективную составляющую (и потому ценностные установки можно ограничивать только иными ценностными установками или конструировать такой порядок отношений, при котором какие-либо ценности вытесняются из дискурса, не обсуждаются в силу принципиальной несовместимости с господствующими моделями мышления) [37 гл.17 С.267-278].

Сказанное позволяет заметить, что несмотря на возможность ситуативной подстановки одного регулятора на место другого, их сущностные признаки все же разнятся. Также эти регуляторы неодинаковы с точки зрения воспринимающего их адресата. Правило ценно для субъекта своей определенностью, принцип – разумностью, а ценность – интегративными возможностями. Очевидно, что социализация личности по-разному протекает в связи с названными различиями, и это необходимо учитывать в контексте правовых реформ. Но уже из сказанного понятно, что смена одной определенности на другую в общем и целом должна протекать легче, нежели изменения того социального целого, принадлежность к которому выступает для личности залогом успешного действия и саморазвития.

Второй крупной теоретической проблемой, не нашедшей окончательного решения, является проблема детализации или уточнения ценностной основы правовой политики и политики как таковой. Исследователи почти единогласно утверждают, что артикуляция ценностей в документах и действиях отдельных лиц всегда позволяет идентифицировать субъективные представления, лежащие в основе данных действий.

В перечне сугубо юридических ценностей встречаются, прежде всего, доверие к власти, верность Конституции, отказ от несправедливых методов разрешения проблем, равенство возможностей и автономия личности. Иная модель предполагает наличие всего трех базовых ценностей, на которых основано право: порядок, справедливость и свобода. Комбинация этих установок может порождать определенные (в т.ч. правовые) принципы, действуя по которым, например, суд дает защиту одной стороне спора и отказывает в защите другой стороне. Апелляция к ценностям возникает в том случае, если либо нормативной основы недостаточно для справедливого разрешения дела, либо в ходе процесса выясняется противостояние правовых принципов, либо у суда появляется некий

не до конца определенный, но существенный мотив отступить от формальной модели, предлагаемой правом, в целях сохранения чего-то более важного в неприкосновенности. Вот это нечто сохраняемое, как правило, подается именно в аксиологической плоскости.

Подобная ситуация может возникать и при попытке суда дать более современное толкование достаточно старому принципу или норме. Она нередко возникает в настоящее время в практике ЕСПЧ. Принимая решения о расширительном толковании статей международных пактов и всеобщей декларации, суд исходит из необходимости привести понимание нормы в соответствие с меняющимся историческим контекстом. Иными словами, осуществляя, так называемое, эволютивное толкование, суд может отступить от формальной модели, предлагаемой правом, в целях сохранения в неприкосновенности ценности человеческой свободы.

Большинство теоретических дискуссий основаны на том, что наделение чего-либо ценностью предполагает некую субъективацию, так что за предпочитаемым объектом признается своя собственная логика и свой собственный «голос» (объект здесь выступает уже не элементом вещно-материального мира, а концентрированным человеческим опытом, т.е. феноменом культуры) [38. С.5-22]. Это напрямую связано с обстоятельствами внешней жизни, усваивая которые, человек в ходе становления личностью, упорядочивает обстоятельства и характер жизни личной, т.е. внутренней. То, что пребывает внутри сознания, то неподвижное, на что оно ориентируется в своем бесконечном движении, есть смысл. Как только смысл оказывается вынесенным вовне и объективированным, рождается ценность. Но смыслы, разумеется, индивидуальны, и личность, если она не претерпевает патологии, способна удовлетворяться их простым наличием, в то время как ценности коллективны по своей природе, они предполагают взаимность и признание, даже если их отрефлексированное содержание не предполагает очевидной взаимности в силу самой формулировки. Действительно, если считать, к примеру, ценностью верховенство права, то в какой степени здесь имеет место интерсубъективное начало? Самый верный ответ – в той степени, в какой мне, чтобы разделять эту ценность, нужен хотя бы один пример со стороны, пример человека, эту ценность уже разделяющего. Я, как потенциальный носитель ценности, вижу вначале осмысленность поведения другого и реконструирую это поведение, приписывая ему какую-либо установку, которую впоследствии могу скопировать или иным образом перенести на себя (подражание здесь выступает самым простым и первоначальным способом познания человека человеком, семантическая составляющая подражания невелика, а прагматический эффект значителен). Для научной

основы воздействия на общественные процессы достаточно понимать неустрашимый плюрализм ценностей.

Третья существенная теоретическая проблема, связанная также и с темой ценностей, состоит в том, что непрерывно растущая сложность социальных объектов (как агентов, так и отношений между ними) заставляет задумываться о смене типа преобразующего воздействия, которое оказывает публичная власть на население. Классический тип воздействия подразумевает издание определенных императивных предписаний, воплощение их в жизнь, контроль за осуществлением. Однако, для управления посредством такого рода «информационных сигналов» необходимо несколько условий, среди которых – высочайшая проработанность моделей, предлагаемых для использования, и наличие хорошо функционирующего механизма обратной связи, когда можно в режиме реального времени отслеживать эффективность принимаемых мер.

Но эти условия обесцениваются прямо пропорционально уровню сложности управляемой системы, а сложность зависит от числа уровней иерархии. Рост сложности осуществляется по экспоненциальному, а не пропорциональному закону, следовательно, не представляется возможным создать систему объектов, эффективно учитывающую все многообразие возможных информационных и энергетических связей между подмножествами внутри системы. Поэтому социальная сфера для иерархических моделей пригодна намного менее, нежели сфера чисто техническая (впрочем, последнее сегодня с точки зрения менеджмента представляется чем-то абстрактным). Право, однако, предполагает объектом воздействия именно социум.

Если сменить (в сознании управляющих, прежде всего) идеал единообразия и определенности на гибкость и многовариантность, то можно было бы создать такую систему, где сложность растет медленнее, так что координационные связи по крайней мере были бы эффективны, а в субординационных уже не было потребности. Однако для этого придется ликвидировать иерархическое построение как таковое, заменив его сетевым, к чему большинство государств сегодня не готовы, хотя на международном уровне сетевые структуры естественным образом преобладают. Если не иметь в виду революционную смену модели управления, то актуальным было бы говорить о некоей усредненной мере «нормативной разгрузки» общества, дабы сложность не препятствовала управлению и решению проблем. В этих условиях ценной идеей является модель постепенного перехода от одностороннего регулирования «сверху» к саморегулированию и иным формам, в которых культивируется автономия социальных групп.

Сущность саморегулирования сегодня также представляет собой весьма важную научную проблему. Чтобы более понятно тематизировать саморегулирование, необходимо ввести еще одно понятийно-категориальное различие: выделить два момента касательно любой социальной деятельности, а именно, типизацию и стандартизацию. Социальное действие становится типическим, когда содержит некий смысл, могущий неоднократно воспроизводиться. Типизация, таким образом, вырастает из элементарной повторяемости событий. Почти всегда та персональность, которая конструируется в ходе взаимодействия, является частичной, неполной, поэтому в неполноте ориентаций здравого смысла нет ничего особенного или отрицательного, это нормальная характеристика взаимодействий. Тогда можно сформулировать такой тезис: саморегулирование имеет место там, где существует минимальная дистанция между центром типизации социального действия и центром его стандартизации. Ясно, что как выше, так и здесь термин «центр» нужно оберегать от политических коннотаций, ибо в противном случае есть риск видеть повсюду в обществе одни лишь метастазы анонимного завуалированного насилия, исторической и логической противоположностью которого будет анархия.

Исходя из определения, данного выше, идеальное саморегулирование присутствует там, где типизация и стандартизация исходят из единого центра, которым является коллективный субъект. В философском (метафизическом) смысле этот субъект автономен, поскольку его интеллектуальное начало не входит в противоречие с волевым, когда идет речь о соблюдении той или иной нормы поведения. Но что это означает в юридическом измерении? Что такое правовая автономия, возможна ли она, не является ли она неким *contradiction in adjecto*? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к началу рассуждения, а именно к вопросу о ценностях и их роли в системе человеческих норм.

Различные социальные регуляторы предполагают разную социализацию индивида, спровоцированную их последовательным усвоением и применением на практике. Если говорить о саморегулировании в аспекте правил (*rules*), степень инерционности коллективного сознания здесь будет, очевидно, наименьшей. Это связано с тем, что формальная определенность правила не исключает ни его замены, ни модификации логики производства правил. Одна модель практически ничем не отличается от другой модели, а если таковые отличия имеются, это характерно для субъекта, основной установкой которого является конформизм (он готов принимать любой паттерн, если только так делают и другие).

Безусловно, для профессионального участника какой-либо деятельности (т.е. того, кто априори от конформизма далек) гораздо важнее именно внутренние установки и

смыслы, нежели извне навязанные предписания, ибо важно то, на чем базируется его самостоятельность. И от внешних рамок такой субъект поэтому способен достаточно легко отказаться, т.к. он сам себе научился уже задавать достаточно жесткие рамки. На другом краю спектра норм, как уже было установлено, находятся ценности. С ними все обстоит принципиально иначе: они в сущности своей не определены в неизменном виде, так что их единовременное обновление не вызывает ничего, кроме сопротивления (это еще и связано с тем, что не существует никакой рациональной причины или обоснования для усвоения субъектом иной, т.е. не известной и не близкой ему ценности). Саморегулирование здесь ожидается только как итоговый результат целого комплекса мероприятий и процессов, особую роль в которых играет фактор идеологии. Но насаждение определенной идеологии в обществах позднего капитализма, в условиях недоверия к «большим повествованиям» (Ж.-Ф. Лиотар) является делом крайне сложным и щепетильным, проектом, вызывающим нарекания и критику с разных сторон.

В таком случае становится понятно, что правовая автономия представляет собой некую промежуточную стадию относительно состояний, охарактеризованных выше. Она еще не имеет места там, где субъект переносит обычаи, по которым сам действует, из внутреннего своего мира в мир внешний (потому что профессиональная деятельность предполагает некую технизацию процессов, выработку схем, формальную онтологию, всего того, что можно передать от личности в мир машин), и она уже не имеет места там, где достигнута ценностная однородность, поскольку для разрешения возможных споров в распоряжении субъектов остаются исключительно неформальные инструменты (к которым даже наименование «инструменты» приложимо весьма условно) [39. С.131-133]. Поэтому можно сделать вывод, что саморегулирование как способ частичного демонтажа управляющей политической иерархии эффективнее (и реалистичнее) всего могло бы быть построено и функционировать именно на уровне принципов, т.е. метанорм или норм второго порядка.

Кстати сказать, это предположение осознается и самой публичной властью. Так в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования (утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р) определено, что государство призвано создавать наиболее благоприятные условия для развития рыночной экономики как путем непосредственного регулирующего воздействия, так и путем создания стимулов самоорганизации производителей товаров (работ, услуг) в целях обеспечения более ответственного поведения указанных производителей в отношениях с потребителями, формирования профессиональных сообществ, основанных на принципах

саморегулирования, самоограничения и самоорганизации и обеспечивающих выработку стандартов, отвечающих профессиональным и публичным интересам, а также путем применения механизмов контроля за соблюдением установленных ими требований. Сопряжение в одной плоскости двух различных (и могущих противоречить друг другу) интересов как раз и означает сознательно допускаемую нечеткость поведенческих моделей, удельный вес которых по мере развития саморегулирования будет только возрастать. Эмпирически установлено, что чем больше отсылки к ценностям содержат в себе правовые нормы, тем законодательство в целом является более гибким, следовательно, возрастают и риски выхода за пределы правомерного [40. Гл.27. С.29].

Но такого рода события для нормативного регулирования выступают чем-то вполне ожидаемым. Правовая система, если иметь в виду именно свод предписаний, никогда не бывает адекватна той жизни, которую стремится урегулировать. Норма складывается благодаря обобщенным представлениям («седиментациям смысла», как сказали бы социальные феноменологи [41. С.116 и след.]) о множестве типичных действий, повторяемых образцов или паттернов. Законодатель может дифференцировать эти представления, в некоторой степени отменять их (не касаясь основополагающих принципов), но он не может предвидеть то, в каком направлении будет развиваться жизненный мир, дающий исток всем предписаниям. Поэтому отставание права от иных форм активности совершенно ожидаемо и логично: в этом смысле право одинаково запаздывает по отношению как к политике, так и к экономике. Если же складывается ситуация, в которой значение того или иного действия осознано участниками общения как способствующее взаимному признанию, но смысл этого действия еще не переведен нормотворческой инстанцией в режим формального предписания, сами стороны вырабатывают для себя какие-то правила, которые, очевидно, следует причислять к саморегулированию, о чем было сказано выше. Акторы начинают пользоваться этими правилами (либо сознавая их срочный характер, либо намеренно придавая им бессрочный статус), и именно автономия воли отвечает за их исполнение. Это – случай неправового регулирования, которое, в принципе, может в дальнейшем способствовать модификации законодательства, но может и оставаться в дальнейшем как нечто необъективированное в тексте. В любом случае, незаконное здесь не равно неправовому, поскольку идеал взаимного признания остается ненарушенным, а формальное равенство так или иначе способствует его осуществлению.

Иной выход за пределы права состоит, как это хорошо описано в немецкой классической философии, в нарушении уже установленных (доброй волей) связей между

лицами, так что в итоге нарушитель должен быть подвергнут определенным мерам воздействия, которые направлены как на воспитание его самого, так и на предупреждение всем иным лицам о том, что данный образец поведения маркирован строго отрицательно. Дискурс о том, почему противоправное поведение действительно считается негативным (явно не в силу одного только закрепления в тексте уголовного кодекса), обычно упирается в тезис о социальной опасности, т.е. деструктивном характере конкретного действия, в силу чего соответствующий актер должен быть изолирован, а само действие прекращено, и вред, им причиненный, должен быть восстановлен [42. Гл.63 С.33]. Незаконное в описанной ситуации равно неправомерному, т.к. взаимное признание здесь исключено, и формальное равенство способствует тому, что это исключение обуславливается не ситуативно возникшими факторами, а самим существом происходящего (другое дело, что граница между значащими и незначимыми с точки зрения законодателя обстоятельствами смещается с течением времени).

Из сказанного можно сделать несколько весьма важных выводов.

Во-первых, правовые реформы всегда сопровождаются изменениями на всех уровнях нормативной системы – от конкретных правил до ценностей. Преобладание отсылок к ценностям делает законодательство более гибким, а гибкость в свою очередь предполагает снижение роли собственно правил в регулировании социального взаимодействия. От конкретных предписаний фокус смещается к принципам, артикуляция и защита которых становится весьма важным делом.

Во-вторых, коль скоро всякая правовая реформа (вне зависимости от ее масштабов и предмета) обычно предполагает повышение эффективности действия тех или иных инструментов, эта проблема нуждается в специальном осмыслении. Ее решение может быть только многосторонним. В частности, желаемый долгосрочный позитивный эффект от преобразований социально-экономического или иного подобного типа можно ожидать только в том случае, если наряду с оптимизацией управляющих воздействий (исходящих от публичной власти) поменяется и логика взаимодействия.

В-третьих, важно понимать, что саморегулирование предполагает и специфический вид децентрализации. Это не перенос политического суверенитета из центра к периферии, это, скорее, поиск центральных и периферийных элементов внутри самого права. Можно утверждать (и это подтверждается опытным путем), что временно даже крайне жесткие вертикально интегрированные иерархии (например, на крупном производстве) могут работать с достаточной степенью эффективности, но это обычно имеет место лишь в краткосрочной перспективе, когда более приоритетным является решение насущных

проблем, а не планирование на длительный срок. Эволюционное же развитие предполагает долгосрочность тех или иных проектов, в т.ч. инициируемых государством, следовательно, вертикальная интеграция из ценности постепенно превращается в антиценность, из фактора движения в фактор стабилизации, а из него – в сдерживающий развитие фактор.

1.3 Социальная легитимация правовых институтов как процесс усвоения юридических ценностей субъектами права

Процесс усвоения гражданами правовых ценностей напрямую влияет на степень эффективности правового регулирования, ибо на одном только легальном (государственном) принуждении [43. С.24-29] не может основываться действие права [44. С.25-28]. Однако прежде эти ценности должны оформиться в более или менее четкую, понятную и пригодную для усвоения систему. Эта задача решается на уровне философии права, играющей роль источника и ретранслятора системы правил должного поведения, которые лягут в основу желаемого правопорядка. Только после этого можно вести речь о формировании или коррекции системы позитивного права.

Важность конструкта легитимации для современной юриспруденции сложно переоценить, если последняя желает оставаться наукой о реальных явлениях, а не абстрактных объектах. Чтобы знать абстрактный объект (в традиционном эпистемологическом смысле слова знать, т.е. иметь истинное обоснованное убеждение о нем), его достаточно понимать, т.е. быть знакомым с системой условных обозначений, которой принадлежит этот объект (такова, например, нотная запись). Можно сказать, что абстрактный объект появляется синхронно с системой таких обозначений и с ней же исчезает (прекращает быть актуальным в рамках той или иной деятельности, например). И если бы право было просто упорядоченным набором абстракций, вопрос о его легитимации не мог бы считаться сложным или серьезным: можно было считать, что коль скоро норма введена в систему, она и легитимна. Однако думать так - большая ошибка, основанная либо на неверном понимании природы права, либо на нежелании учитывать общие философские закономерности, касающиеся познания [45]. Поскольку легитимация есть не что иное как процесс, в ходе которого правило поведения приобретает общественное признание, партикуляризм неизбежно приводит к конфликтам правопонимания, юридическим войнам. При этом признание своей системы ценностей происходит у каждой социальной страты и является довольно сложным социальным фактом, лишь с некоторой долей условности

разложимым на составные части, т.е. в легитимации можно выделить стадии, но нужно и понимать всю приблизительность такого выделения.

Причина, по которой проблема легитимации в отечественной теории права не исследуется, а соответствующая тематика отсутствует в учебных пособиях, заключается в том, что в основе понимания права многими отечественными правоведами лежит идея легистского позитивизма и этатизма. Не случайно одной из самых популярных тем в теории государства и права является тема законности. Причем, много говорится о неукоснительном соблюдении закона всеми субъектами, но при этом почти нигде нет упоминания о том, что нормы закона должны соответствовать метаюридической идее права и быть легитимными, то есть признаваться обществом и отдельными субъектами.

Так, политико-правовые ценности полицейской государственности складывались и легитимировались в ряде стран при аналогичности тенденций развития ряда стран в преодолении схожих проблем и сочетании со своеобразием местных юридических и исторических традиций. Прежде всего, речь идет о сложности перехода к централизованному механизму управления на фоне создания нации. Это требовало трансформации частноправовых властных структур в государственные, изменения представлений о функциональном назначении сословий в жизни государства.

Для юридического позитивизма характерны слова Г.Кельзена о том, что «всякое произвольное содержание может быть правом» [46. С.3], поскольку любая правовая норма, исходящая от власти, определяющей порядок на данной территории, уже легитимна. Однако такой подход мало общего имеет с реальностью, ибо для того, чтобы норма стала значимой, необходим процесс придания ей значимости, который далеко не всегда одинаков, не всегда прост и никогда не формален до конца. Само по себе принуждение, как уже не раз было сказано, не может гарантировать признания. То же можно сказать в отношении власти в целом как источника законов: она далеко не всегда заслуживает признания норм права субъектами.

Особенно неубедителен этатистский подход к легитимации в условиях современного общества. В связи с этим, потребность современного человека в понимании новелл закона, как важнейшего условия их легитимации, нельзя считать удовлетворенной, если на вопрос «почему приняты некоторые нормы и введены определенные институты?» ему отвечают: «потому что законодательное собрание или правительство считают их целесообразными» [23. С.763]. Здесь нужно обоснование, замешенное на идеях полезности, справедливости, общего блага.

Конечно, одной из важнейших задач современного государства остается создание благоприятных условий развития экономической основы общества. Правовые нормы не должны жестко фиксировать экономический статус сегодняшнего дня, поскольку следует сохранять простор для развития новых форм предпринимательской деятельности, условий действительности обязательств и пр. Все так. Но не менее важно, чтобы интересы отдельных групп общества не занимали господствующее положение в законодательстве. Партикуляризм современного российского права очевиден так же, как очевидно расслоение общества по меньшей мере на две группы с противоположными интересами. Постсоветское законодательство нередко скатывается в защиту интересов монополий, технократизм и пренебрежение естественными притязаниями рядовых граждан.

Несправедливость закона влечет за собой не только его нелегитимность, но и отсутствие веры в право. Но не следует забывать, что единственное юридическое понимание справедливости состоит в том, что принцип формального равенства в свободе одинаково действует для всех и не допускает какой бы то ни было дискриминации или привилегий. Подобное понимание равным образом актуально для законодательства и для правоприменительной практики. Задача законодателя или практикующего юриста состоит в том, чтобы пройти по этому лезвию бритвы, не скатываясь в протекционизм. Действительно – одно дело устанавливать законом равные для всех хозяйствующих субъектов правила свободной конкуренции, другое – использовать специальные средства регулирования экономики для решения политических, социально-экономических и прочих задач дня. Во втором случае конкурентом законности выступают концепты эффективности и целесообразности. И тогда ценность закона определяется тем, насколько в нем соблюдается баланс интересов целевых групп. Здесь возникает вот какое осложнение: некоторые решения законодателя неизбежно создают привилегии для какой-то из социальных групп, будь то поддерживаемый государством разряд предпринимателей или социально незащищенные слои населения. Так, нормативное регулирование предпринимательской деятельности в рамках малых форм остается в ряде отраслей экономики совсем недружественным. Не меньшую проблему для положительного восприятия гражданами перемен в законодательстве стала его почти катастрофическая изменчивость. Это касается, прежде всего тех блоков, которые напрямую влияют на экономическое благосостояние граждан и бизнеса.

Люди с трудом решаются на борьбу за свои права с использованием юридических инструментов: язык закона сложноват, а помощь грамотного юриста – удовольствие

дорогое. Здесь играет свою роль бюрократическая традиция рассматривать гражданина всего лишь как одно из средств достижения целей государства, которое всегда затрудняло развитие в России правовых форм общения между обществом и органами публичной власти. Усмотрение судов также нередко существенно меняет смысл законодательства в пользу определенной группы интересов. Так, сложившаяся в последние годы практика, когда фактическое поведение сторон суд трактует как обстоятельство, «само по себе порождающее права и обязанности сторон в корпоративных отношениях», ставит вопрос «о правовых последствиях такого усмотрения судов с позиции принципа социальной справедливости» [47. С.227]. История нашей страны отмечена и другими драматическими эпизодами борьбы за право в условиях незащищенности личности от произвола органов государственной власти.

Таким образом легитимацию нельзя сводить лишь к формальной процедуре. Целесообразно рассмотреть виды и уровни легитимации правовых норм для того, чтобы увидеть полную картину того, как нормы приобретают субъективное признание. Исследуя проблемы легитимации социальных институтов, следует обратить внимание на понятийно-категориальный аппарат нашей юриспруденции.

В отечественной теории права классификацию типов легитимации юридических норм предпринял Г.В. Мальцев, который выделил четыре типа: позитивную, корректирующую, учредительную и негативную легитимации [23. С.761]. Следует отметить, что указанные виды легитимации проф. Мальцев рассматривал в связке с тем, как государственная власть обосновывает (для общества, естественно) инновационные процессы в правовой системе, или «нормативные стратегии» (термин Мальцева) [23. С.765]. Таким образом, «рассматриваемые стратегии отражают различные виды легитимации, но все они предполагают конструкцию нормы в качестве должного» [24. С.765]. Такая классификация типов легитимации юридических норм отражает различные виды законотворческой стратегии, но при этом не отвечает на главный вопрос – что же должно лежать в основе норм права, чтобы они стали признанными у граждан. При этом Мальцев отмечал, что «сокровенную суть легитимации юридической нормы, выраженную в том, что она воспринимается людьми как должное, следует искать хотя бы немного, но все же выше правовой реальности... В качестве таких критериев могут выступать социальные и этические ценности, близкие и понятные большинству членов общества, например, экономическое благосостояние, социальная справедливость, политическая свобода, а также вытекающие из них ценности и понятия инструментального характера» [23. С.765]. Таким образом, классификация видов легитимации как процесса, результатом которого является

признание субъектами для себя норм права, должна, на наш взгляд, отражать основные механизмы воздействия на личность(обстоятельства), в результате которых право начинает признаваться субъектами. А.В. Поляков все обстоятельства объединяет в две группы: рациональные и иррациональные [48. С.73]. М. Ван Хук выделяет два уровня и два вида легитимации: 1) формальную, 2) содержательную (в рамках последней – легитимацию коммуникативную) [49. С.254-260].

Формальная легитимация – это процесс признания норм права вне содержательных ценностей и принципов права. К формальной легитимации относят обоснование норм в традиционных обществах, где ее дает ссылка «на божественное происхождение» [49. С.255]. Такая легитимация может оправдывать неравное правовое положение субъектов, отсутствие возможности влиять на формирование или применение правовых предписаний, так как это оправдано религиозным сознанием и подчинением сверхъестественным силам, с которыми связана власть и законы. Формальная легитимация существует в настоящее время и связана с идеей рациональной легитимности в современном обществе Модерна, которая является основанием для подчинения приказам даже в случае расхождения с моралью. Рациональная легитимация замещает божественную природу власти и законов. Вместо идеи божества приходит концепция «коллективной воли народа», наиболее четко сформулированная в теории «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо.

Обоснование формальной легитимации законов на теоретическом уровне характерно для юридического позитивизма и его понимания права. Речь идет не только о позитивизме Дж. Остина или нормативизме Г.Кельзена. Теория Н. Лумана о коммуниктивном понимании права является совершенно позитивистской и использует «формальную легитимацию через процедуру» [50. С.28]. Таким образом, либо идея общей воли обосновывает через демократические процедуры достаточность лишь формы права, формальной легитимации, либо юридический позитивизм с аргументацией самостоятельности правовой системы у Лумана, «чистого учения» Кельзена, указывают на излишний характер содержательной части легитимации.

Что касается содержательной легитимации правовых норм, то она связана, прежде всего, с теорией естественного права и иными непозитивистскими теориями права. Основой таких теорий является идея прав человека и юридического равенства всех субъектов. В настоящее время именно идея прав человека как условия для легитимации присуща правовым системам западного общества. Именно обоснование законов правами личности не дает законодательству, основанному на демократических процедурах, на воле большинства, стать произволом.

В настоящее время актуализируется законодательное закрепление процедур, связанных с содержательной легитимацией. Причина такой необходимости заключается в тенденции расширения предмета правового регулирования, иными словами, «юридификации», которая становится одной из характеристик современного общества и влечет за собой увеличение плотности нормативно-правового массива, прежде всего в социальном государстве [45. С.13-17]. В связи с этим возникает проблема усвоения юридических ценностей субъектами правовых отношений в силу того, что законы становятся сложными и понятными лишь профессионалам. Следовательно, легитимация содержательного типа является необходимой для современной правовой системы, в частности, такой как российская.

Легитимация не является неизменным явлением, в процессе социальной эволюции происходит постепенное изменение мотивов и ценностей, легитимирующих позитивное право. Поэтому типы легитимации норм права зависят от исторических условий. Изначально в архаичных обществах существует религиозная легитимация норм, затем нормы легитимируются через идеологию и в современный период – через демократические процедуры.

Одним из возможных вариантов выстраивания программы управляемой легитимации становится стратегия построения правовой культуры общества усилиями государства, которое в данном случае понимается как высшая в иерархии корпораций. Для анализа ценностей в такого рода исследованиях применяется, так называемая, матрица Шварца [1]. Одна из ее шкал показывает, насколько люди – отдельные личности и общество в целом – склонны к эгоизму или альтруизму. От того, в какой мере общество в целом настроено эгоистически или альтруистически, зависит и то, насколько прочным, насколько деятельным, активным является в нем гражданское общество в целом, и то, как складываются в обществе микрогруппы, «кружки по интересам» [1]. Отмечается, что стремление к личному самоутверждению влечет за собой пониженную заботу о справедливости и равенстве в стране [2].

Легитимация современного права, в отличие от права традиционного, так или иначе должна быть связана с воплощением принципа формального равенства свободных индивидов. Однако опасность конфликта разных правовых принципов, представляющихся императивами для разных слоев общества, в наше время возрастает. Кроме того, некритическая абсолютизация любого принципа может привести к непрогнозируемым последствиям, если не будет поверяема этическими нормами. Вот почему сторонники демократии на всех языках и в самых разнообразных вариантах повторяют одну и ту же

мысль: демократия невозможна без воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня» [51. С.396-397].

Именно легитимность, а не принуждение, характеризует ныне природу позитивного права. Признание субъектами правовых отношений для себя права является главной причиной того, что юридические правила начинают регулировать жизнь общества. Между тем в рамках позитивистского типа правопонимания исследовать вопросы легитимности не представляется возможным. Легитимность в правовой системе возможно исследовать на основе непозитивистского интегрального типа правопонимания, который снимает противоречия между классическими теориями в рамках иной онтологии. При таком подходе становится очевидным, что значимые для субъектов ценности могут изменяться в процессе коммуникативного взаимодействия. С точки зрения коммуникативной теории рациональности - критерием легитимности нормы является её соответствие коммуникативной рациональности, т.е. когда они заслуживают свободного признания со стороны каждого члена правового сообщества. Поэтому, любые правовые нормы не могут пониматься в современном обществе как нечто неизменное, они должны обосновываться в демократических процедурах.

Правовые институты должны обосновываться населением, об этом говорит концепция делиберативной демократии. Но это не должно означать возможность отмены демократическим путем прав личности, речь идет об ином способе легитимации позитивного права. Поэтому для обеспечения легитимации правовых институтов как процесса усвоения правовых ценностей в условиях современного общества необходимым представляется его постоянное демократическое обоснование. Однако именно установка на изменчивость, возможность расширительного контекстного или эволютивного толкования закона, в том числе актов, прямо регулирующих права человека, несет в себе опасности, наименьшей из которой представляются пресловутые двойные стандарты.

Впрочем, те императивы, которые могут задаваться с использованием процедур, проводимых псевдодемократическими симулякрами, неизбежно входят в противоречие с действительными ценностями общества. К числу таких псевдолегитимированных новелл следует отнести навязываемые ныне российскому народу представления о непригодности для него либеральных ценностей, к числу которых неизбежно должно быть отнесено и само право с его принципом формального равенства в свободе.

1.4 Закономерности связи ценностной сферы и эффективности правового воздействия.

Несомненный факт состоит в том, что эффективность всегда характеризует некую деятельность или отдельно взятое действие, а не предмет, вещество или событие. Область приложения данной характеристики включает только те процессы, в ходе которых одна система изменяется под целенаправленным воздействием другой системы (как отмечают некоторые исследователи, говорить об эффективности деятельности означает рассматривать ее как целесообразную и целенаправленную) [52. С. 51]. Здесь термин «эффективность» используется в прямом значении, применительно ко всему другому – в переносном. Но целесообразно действующая система образует субъекта – либо индивидуального, либо коллективного, значит, можно говорить о том, что всякий раз отыскивая критерии эффективности, мы должны тем или иным образом оценивать субъектов, действующих в некоторых заранее известных или предвидимых условиях.

Принцип субъектности применительно к социальным наукам (в отличие от психологии) предполагает следующее:

- любая социальная реальность рассматривается как некая деятельность. В этом смысле понимание нормативной системы как совокупности ограничений (запретов) относительно поведения агентов является хоть и односторонним, но принципиально верным [53. С. 145-152];

- за любой деятельностью скрываются субъекты, т.е. носители (обладатели) сознания, а точнее, воли и разума – двух способностей, для сознания и целесообразности равно необходимых;

- воля и разум должны быть истолкованы неантропоморфно, поскольку в противном случае коллективным субъектам будут всегда присваиваться индивидуальные характеристики, что искажает картину как в отношении сбора необходимых данных, так и в плане объяснений (паттерны, стереотипы и ошибки в принятии решений на личностном и коллективном уровне заметным образом различаются). Разумность целесообразно понимать, как интенцию системы на реальный объект, переводящую его в идеальный план, волю – как интенцию на идеальный объект, переводящую его в реальный план (материализующую этот объект);

- эти две способности не равны друг другу, не согласованы как в границах одного субъекта, так и тем более в межсубъектном взаимодействии. Практическая задача по их согласованию обычно не входит в предмет целенаправленной деятельности, не рефлектируется и не выступает объектом запланированного воздействия. Поэтому типические действия агентов (в т.ч. регулируемые правовыми средствами) расцениваются

просто как нормальное, относительно устойчивое и детерминированное положение вещей, а отклоняющиеся действия – как выражение невычислимого случая.

Таким образом, субъектность в юридическом (и социальном вообще) измерении необходимо базируется на системном взгляде на действительность. Поскольку связи между элементами не менее объективны, нежели сами элементы, объединение систем всегда можно рассматривать как одну систему, а единую систему допустимо дробить на относительно самостоятельные части. Всякая система осуществляет обмен ресурсами с другими системами, совокупность которых называется окружающей средой. Этот обмен не всегда равноценен, не часто может быть доступен для рационального воздействия и контроля, но он совершается постоянно и не может быть прекращен. Абсолютно изолированная социальная система есть синоним абстракции, она представляет собой логический предел дробления системы на части. Изолированная система может быть востребована на каком-то из ходов мысли, но ее бесполезно каким-либо способом структурировать, она и не потеряет от этого никаких качеств, и не приобретет.

Если изучить публикации, посвященные эффективности той или иной правовой деятельности (будь то правотворчество, интерпретация или применение права), станет ясно, что представление об эффективности на уровне *sensuscommunis* предполагает соответствие какого-либо явления неким заранее известным идеальным представлениям о той или иной ситуации. Так, например, нормативный документ может называться эффективным, если он определенным образом (благодаря своему содержанию и смыслу) влияет на поведение субъектов, и это влияние совпадает с той идеальной моделью, которая имела в виду при подготовке данного документа и т.п. Человеческая активность, вне зависимости от масштабов и области протекания, не может обойтись без создания и удержания в сознании на всем протяжении действия определенной конфигурации идей. Для управления этот фактор особенно важен.

Как отмечают исследователи, если рассмотреть систему управления производством, для нормального функционирования ей требуются данные следующих видов:

- цель управления;
- идеальная модель будущего функционирования объекта, рассчитанная так, чтобы цель достигалась оптимальным образом;
- модель фактического состояния объекта для сравнения ее с идеальной моделью и нахождения отклонений;
- информация, направленная на устранение отклонений фактического состояния моделей от идеального [54. С. 14].

В этой схеме, как мы видим, ярко выражен лишь интеллектуальный компонент субъектности, но не волевой. По молчаливому соглашению считается, будто бы корректирующая информация всегда окажется действенной, и система, благодаря своевременной информационной поддержке (что в наше время технически обеспечить не так уж трудно), будет развиваться в нужном направлении.

В сфере правового регулирования (которую также можно представить как сумму своеобразных управленческих отношений) в отличие от производства наличествует изначальная нечеткость целей, хотя сами цели, как правило, хорошо отрефлексированы, т.е. автор типовой правовой реформы способен феноменологически описать желаемый конечный результат этой реформы лучше, чем пути и способы его достижения. Что касается понимания текущего состояния правовой системы и окружающей среды, то в последнее время (благодаря использованию мониторинга) специалисты научились конструировать модели фактического состояния правопорядка, которые были бы не мыслимы без вовлечения массы эмпирических данных. Здесь юриспруденции помогает социология, отчасти и экономические дисциплины, но более всего – математическая статистика. Основная проблема (если говорить о российских реалиях) заключена в идеальных моделях, связанных с оптимальным достижением цели. Их разработка ведется хаотически (вспомним, как долго не принимали Федеральный закон «О стратегическом планировании», хотя насущная потребность в нем была заметна невооруженным глазом), путем простого перебора вариантов – и это большая проблема.

Если бы агенты, определяющие судьбу правовых институтов, вели себя рационально, т.е. хорошо представляли смысл и цели собственной деятельности, правовые реформы могли бы планироваться с какой угодно точностью, выступая не только предметом отвлеченных размышлений, но и объектом целенаправленного воздействия. В этом случае эффективность правовых воздействий можно оценивать, в некоторой степени контролировать, способствовать ее повышению (или, напротив, понижению). Это характерно для человеческой деятельности как таковой: удачные решения закрепляются, все прочие – отбрасываются. В условиях всегдашнего дефицита ресурсов иные варианты накопления опыта заведомо проигрышны: метод проб и ошибок всё-таки подразумевает, что ошибок со временем будет все меньше и меньше.

Механизм коррекции в общей теории систем принято называть обратной связью. Технически ориентированному мышлению обратная связь представляется чем-то вполне естественным. Ясно, что установление обратных связей столь же необходимо в социальном управлении, сколь и проблематично: речь идет об учете мнения тех лиц, которые

подвергаются управляющему воздействию, причем желательно осуществлять этот учет в режиме реального времени (как это воплощено в технических устройствах), в противном случае его значимость резко уменьшается. В общем, качество правового регулирования зависит как от прямых (управляющих), так и от обратных (корректирующих) связей в обществе, но налаживание этих связей, как правило, не предусматривается нормативными правовыми актами наиболее общего, программного содержания (или предусматривается, но не конкретизируется).

Введение количественных показателей оценки эффективности полезно не тем, что обеспечивает большую точность, ибо точность без предметной интерпретации ничего не стоит и бесполезна (в свою очередь интерпретация может быть настолько сложна, что выигрыш в точности будет минимально ощутим). Здесь скорее имеет место достижение максимальной прозрачности принятия решений, в том числе, оценочных. Зная итоговое решение и ту формулу, по какой оно было выведено, любой агент может восстановить ход подсчетов и проконтролировать их правильность. В отношении нечетких данных этот прием терпит поражение: где нет формулы расчета, решение может быть любым, и любое решение может быть как оспорено, так и принято в качестве верного.

Качество, как утверждал Гегель, есть определенность вещи, тождественная с ее бытием, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда теряет свое качество. Качество расценивается как ориентир для развития, оно играет роль диагностического признака развития (как прогрессивного, так и регрессивного). И только потому, что в лице качества мы сталкиваемся с уникальным сочетанием свойств в единой целостности, установление качественных показателей для всякой деятельности сопряжено с огромной информационной неопределенностью и произволом. В некоторых случаях определить качественный уровень означает просто задать ряд фактов. Например, в работе А.А. Ефремова для оценки эффективности реализации прозрачности в сфере государственно-частного партнерства осуществлен контент-анализ официальных сайтов высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ (администраций и правительств) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в сфере экономического развития, инвестиций, государственно-частного партнерства в Центральном и Приволжском федеральных округах. Анализ проводился по шести критериям:

- наличие ссылки на раздел по государственно-частному партнерству на главной странице сайта;

- наличие ссылки на раздел по инвестиционной деятельности на главной странице сайта;
- наличие раздела по государственно-частному партнерству на сайте;
- наличие ссылки на раздел по государственно-частному партнерству на странице (сайте) исполнительного органа государственной власти в сфере экономического развития;
- наличие нормативно-правовых актов по государственно-частному партнерству на сайте;
- информация о реализуемых проектах государственно-частного партнерства [55. С. 586].

Как видно, здесь мы имеем дело с тем редким случаем, когда качественное и фактическое отождествляются (и это отождествление методологически оправдано). Другой, прямо противоположный случай имеет место там, где новые качества вводятся волюнтаристским образом и даже не в связи с ранее имевшимися. Яркий пример можно встретить в работе М.Ю. Осипова, задавшегося целью описать содержание понятия «формальная эффективность правового регулирования» [56. С. 7-10]. Сделав оговорку о том, что формальная эффективность определяется из соотношения реально достигнутого уровня правового регулирования с потенциально возможным уровнем, автор предлагает рассмотреть функции правового регулирования, к которым относит:

- 1) функцию упорядочения, которая заключается в приведении общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, к определенной системе;
- 2) гарантирующую функцию;
- 3) функцию координации и защиты интересов;
- 4) интегративную функцию;
- 5) стабилизирующую функцию, выражающуюся в стабилизации общественных отношений;
- 6) функцию моделирования, выражающуюся в определении основных элементов общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования;
- 7) ориентирующую функцию, выражающуюся в ориентации субъекта права относительно возможного или должного поведения;
- 8) функцию стимулирования и ограничения.

Что показательного можно выявить в рассуждениях М.Ю. Осипова? Во-первых, что без качественных разграничений получить представление об эффективности довольно трудно. Во-вторых, что разграничение каких-либо качественных единиц может идти в принципе до бесконечности. Причем оно может быть выполнено с некоторыми

погрешностями: если внимательнее всмотреться в авторскую схему, то на уровне тайны остается, по каким признакам разделены функции (1) и (6), а также (7) и (8), при том, что (4) предстает чем-то загадочным, а (6) – это вообще не функция правового регулирования, а его сущность. Наконец, становится понятно, что для каждого нового качества следует определять единицу измерения и приемлемый интервал значений, в противном случае исследовать эффективность не получится. К примеру, мы говорим о функции координации и защиты интересов. Когда эта функция реализуется достаточно хорошо? Как минимум, если все разнородные субъекты каким-то образом связаны информацией, ценностями и смыслами, проходящими через правосознание, их законные интересы учитываются при правотворчестве и защищаются в ходе правоприменения. Соответственно, критерии учета и защиты также могут быть вначале чисто качественными, а по мере детализации качество будет уступать место количеству.

Итак, разработка понятия эффективности правового регулирования исходит из интуиций качества и количества как несводимых друг к другу характеристик реальности. Их связь не является причинно-следственной или логической (имплицативной). Теперь взглянем на деонтическое суждение. Свою способность определять границы должного в человеческом поведении оно приобретает не в тот момент, когда формулируется в виде абстрактного правила, а при совершении конкретными субъектами конкретных действий, ведь потенциальное должно стать актуальным. В основе нормативной системы лежит структура «если А, то В». Что может сделать законодатель, опытным путем определив низкую степень реализации той или иной нормы? У него есть несколько вариантов:

- 1) отменить данную норму и взамен принять иную («если С, то D»);
- 2) отменить данную норму и взамен не принимать никакой;
- 3) исправить данную норму по следующему образцу: «если А, то В, за исключением тех случаев, когда А₁, тогда – В₁».

Какова вероятность выбора той или иной стратегии? Действие по типу (2) является прямой дерегуляцией, в истории такие случаи сравнительно редки, в отечественной практике вообще трудно вспомнить хоть один сколько-то значимый пример. Действие по типу (1), если говорить строго, вообще не решает исходную проблему, поэтому его осуществление было бы крайне иррационально в глазах общественного мнения. Следовательно, все, что может себе позволить законодатель, имея на руках достоверную эмпирическую информацию о неэффективности правового регулирования в каком-либо частном случае, – это дифференциация изначального общего правового режима посредством выделения в нем менее общего. Но действие по типу (3) может применяться к

одной и той же норме множество раз подряд, бесконечное число раз. Аналогия с числами и здесь продолжает действовать: там, где можно установить два правовых режима, их можно установить и тысячу. Обобщим: экстенсивное развитие правовой системы в лучшем случае представляет собой естественную реакцию на низкую эффективность текущего законодательства, при том, что эта реакция носит отчетливо рациональный характер и является обоснованной. В худшем случае отсутствует либо обоснованность, либо рациональность в правотворческом поведении.

Теперь нам нужно ответить на вопрос, при каких обстоятельствах правовое воздействие оказывается тем более ценным, чем более эффективным оно является. Чтобы получить ответ, нужно вначале определить необходимые условия, при наличии которых об идее права можно говорить, как о воплощенной.

Любое сообщество в ходе развития может открывать для себя все новые и новые грани права, но функциональную ценность это обретает только в том случае, если эти свойства превращаются в универсальные регуляторы, конкретизирующие общий принцип – принцип формального равенства субъектов в свободе. Говоря иначе, юридикация общества может быть процессом осознанным и полезным, как это ни странно. Весь вопрос в том, о какой регуляции идет речь – о внутренней или внешней. Рационально действующий субъект не станет устанавливать сам для себя правила, которые порождают одни неудобства и не приносят ощутимой пользы. Следовательно, если деятельность законодателя просто расширяет границы правопорядка, но не делает его эффективным, можно поставить один из двух «диагнозов»: либо суверен так отчужден от остальной части общества, что к самому себе право не считает нужным применять (т.е. разделяет регулирование внутреннее и внешнее, обходясь исключительно внутренним), либо мы имеем дело с иррациональным субъектом.

Но почему так важно устранить монополию государства на производство норм? Ответ очень прост и носит не идеологический, а познавательный характер: различные области человеческой деятельности не могут регулироваться одинаковым образом, поскольку они качественно различны. Лучшим или эффективным является такое регулирование, которое оценивается как лучшее самими участниками данной деятельности, а не субъектом, стоящим «над» ними. В правопорядок необходимо вносить прежде всего коррекции эпистемического типа, ведь если считать, что юридикация для общества позднего модерна является процессом естественным, и остановить ее нельзя, тогда она превращается в новое условие нашего социального бытия, а следовательно, проникает и в сознание. Интеллект, следовательно, должен уметь оценивать факт этого проникновения,

его признаки, масштабы и последствия, которые, как говорилось выше, могут быть вредоносны: рождаются нигилистические и фетишистские интенции по отношению к закону, реальное содержание (эйдос права) подменяется множеством абстрактных моделей, которые кто-то может выдавать за ценность. Тем самым искажается дискурс, затрудняется рациональное осмысление правопорядка в целом. Желательно помнить и о том, что в закрытых системах подобного рода процессы обладают склонностью к самовозрастанию, поскольку власть в этом случае просто не понимает, каковы же потребности реальных людей, начиная конструировать потребности так, как они ей представляются, невзирая на реальные социальные факты. Без ощущения того, что некоторые отношения могут быть предметом саморегулирования, нормотворческие органы и должностные лица создают невидимую завесу между собой и обществом, максимально отчуждая закон от всех его адресатов. В этих условиях сама формальная основа правопорядка может стать малоприспособленной для воплощения идей свободы и равенства.

Совершенно ошибочно понимать развитие законодательства как свидетельство все возрастающей реализации права. Последняя в действительности может вести и к сокращению нормативного массива, и к упрощению тех или иных юридических конструкций. Право реализовано не там, где что-то записано в нормативных актах, а там, где есть взаимное признание авторов и адресатов правовых норм, где существует такое качество права как легитимность, причем – на рациональных началах. Но рациональная легитимность вовсе не предполагает в качестве обязательного условия монополию государства на нормотворчество. Она не только не полезна, она вредна, ибо способствует информационной закрытости власти, в то время как широкая сеть саморегулируемых ассоциаций, образованных по профессиональному признаку, оказывается гораздо более эффективной по одной простой причине: каждый ее узел сам по себе ориентирован на эффективность, а участники такого рода ассоциаций профессионально подготовлены к тому, чтобы совершенствовать собственную деятельность. Государство же к этому не готово, потому что не имеет никаких стимулов к самосовершенствованию и не осознает себя в единстве с рождающимися структурами гражданской самоорганизации.

Апелляция к ценностям далеко не всегда остается предметом высоконаучных споров. Потребность в ней нередко возникает в процессе практической деятельности юриста, в том случае, если либо нормативной основы недостаточно для справедливого разрешения дела, либо в ходе процесса выясняется противостояние правовых принципов, либо у суда появляется некий не до конца определенный, но существенный мотив отступить от формальной модели, предлагаемой правом, в целях сохранения чего-то более

важного в неприкосновенности. Вот это нечто сохраняемое, как правило, подается именно в аксиологической плоскости.

На основании изложенного, мы можем сделать следующие выводы.

1. Эффективность правового регулирования – понятие, чье содержание зависит от господствующей концепции права, а объем – от того, где проходит граница правопорядка. Поскольку соотношение указанных факторов всякий раз может быть иным, универсальная модель эффективного правового регулирования не может быть построена, не принося с собой заметный проигрыш в конкретике.

2. У правового регулирования, как демонстрирует системный подход, существуют внутренние характеристики и внешние. Правовое регулирование эффективно во внутреннем смысле, если правовая система остается в течение достаточно долгого промежутка времени технически корректной и легальной. Правовое регулирование эффективно во внешнем смысле, если налицо идеальный конечный результат – возрастание степени формального равенства субъектов в свободе.

3. Главная причина изоляции объективированного права от ценностной основы заключается в том, что инстанция, принимающая нормативные акты, часто ставит перед собой невыполнимые (в интеллектуальном или волевом отношении) регуляторные задачи, а это имеет место вследствие некомпетентности нормотворца в той или иной социальной практике, имеющей тенденцию к постоянному усложнению. Соответственно, суверен стоит перед пока еще не осознаваемой им дилеммой: либо создавать все более абстрактные формулировки законов (когда предписания, принципы и ценности оказываются принудительно разорванными), либо делегировать нормотворчество более подготовленным к этому занятию акторам. Второй вариант представляется более перспективным с точки зрения обеспечения полноценной социальной регуляцией, интегрирующей различные виды правил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формулирования и усвоения правовых ценностей веками остается предметом дискуссии между сторонниками идеологически нейтрального и ценностно-содержательного правопонимания. Эта дискуссия только внешне выглядит абстрактно-теоретической. В действительности избранная система ценностей определяет целеполагание общественного развития.

Ценности, лежащие в основе любой правовой системы и ею утверждаемые, долгое время считались исторически непреходящими, не подлежащими оспариванию и анализу с применением методов других гуманитарных и общественных дисциплин. В настоящее время рождаются подходы, позволяющие вовлекать в исследование права ценностные системы иных наук, чтобы использовать взгляд «внешнего» наблюдателя на право для его усовершенствования. Так, в наши дни становится очевидной необходимость обоснования юридических правил моральными ценностями, поскольку обоснование обязательности соблюдения закона исключительно страхом наказания не приводит к желаемым результатам. Только подчиняя себя высшим моральным началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и плодотворными основами общего развития. От того, в какой мере общество в целом настроено эгоистически или альтруистически, зависит и то, насколько прочным, насколько деятельным, активным является в нем гражданское общество.

Глубинный конфликт ценностей российской правовой системы выразился в противопоставлении метафизического и рационального подходов к аксиологии в современной России. Такое противопоставление отрицанием идеи общечеловеческих ценностей, трактуемых как либеральные. Под ударом оказывается вся область прав человека. Обращение к истории признания и воплощения прав разных поколений, позволяет нестандартно рассматривать внутреннее соотношение прав личности и прав человека. Если эти понятия не тождественны, можно говорить о том, что природных, естественных прав человека не так уж много и они универсальны, тогда как развивающие и дополняющие их права личности определяются аксиологическим строем конкретных цивилизаций.

Специфика аксиологического строя российской цивилизации применительно к государству и праву основывается в настоящее время на разном акцентировании базовых концептов условными «управителями» (т.е. непосредственно причастными к нормотворчеству разных уровней) и «управляемыми». Для первых основной ценностью представляется законность, декларируемая в пакете с формальным равенством, хотя

последний концепт используется строго в соответствии с сиюминутной целесообразностью. Для вторых на первом месте выступает идея справедливости, никак не связанная с правовым принципом формального равенства, а выходящая на проект социальной справедливости и социальной ответственности бизнеса. Обе условные группы признают принципиальную ценность правовых принципов эквивалентности, соразмерности, разумности, однако трактуют их по-разному. Основным конфликтом внешне выглядит как противостояние либерального индивидуализма и традиционалистских представлений о долге личности перед коллективом. Постсоветское законодательство нередко скатывается в защиту интересов монополий, технократизм и пренебрежение естественными притязаниями рядовых граждан.

Преувеличение роли и значения законности в российской правовой системе – как на уровне общественного, так и доктринального правосознания – ведет к правовому идеализму, на практике оборачивающемуся убеждением в возможности решить любую проблему с помощью дополнительных нормоустановлений. В связи с этим современная правовая система России переживает период ярко выраженной «инфляции законотворчества». Недопустимый темп законодательных работ, торопливость которых ведет к многочисленным поправкам, отражает ситуацию конфликта базовых политико-правовых ценностей. Однако императивы, которые могут задаваться с использованием процедур, проводимых псевдodemократическими симулякрами, не должны означать возможность отмены демократическим путем прав и свобод человека.

Проблема избыточного правового регулирования (юридификация) вырастает из тех же корней. Кроме того, напрямую противоречит таким традиционным ценностям-принципам права, как разумность и соразмерность. Проявления избыточности регулирования – один из признаков гипертрофированной роли бюрократии в системе государственного управления. При монополии бюрократического управления во всех сферах предоставляемых государством услуг даже сервисное понимание государства не приведет к искомому результату – повышению качества и удешевлению. Если каждое новое качество социального обмена достигается посредством спецификации правового режима, то любая реформа, приводящая в идеале к позитивным изменениям (исчезновению избыточных функций и пр.), рано или поздно будет похоронена под лавиной нормативных актов, инструкций, пояснений и иных документов.

Не менее значима проблема соотношения законности и справедливости. Однако изменчивость контекста актуализирует новые её аспекты. Если древнейшим легитимирующим закон пониманием справедливости выступала её воздающая ипостась, то

в современном мире важнее оказывается распределительная. Принцип формального равенства в свободе обязан одинаково действовать для всех и не допускает какой бы то ни было дискриминации или привилегий. Подобное понимание равным образом актуально для законодательства и для правоприменительной практики. В системе базовых ценностей правовой системы конкурентом законности выступают концепты эффективности и целесообразности. Реформирование элементов правовой системы должно учитывать этот конфликт.

Правовые реформы всегда сопровождаются изменениями на всех уровнях нормативной системы – от конкретных правил до принципов и ценностей. Эти уровни проникают друг в друга, так что в текстах законов и судебных решений мы всегда можем найти большое количество именно аксиологически мотивированных референций. Эмпирически установлено, что преобладание отсылок к ценностям делает законодательство более гибким, а гибкость в свою очередь предполагает снижение роли собственно правил в регулировании социального взаимодействия. От конкретных предписаний фокус смещается к принципам, артикуляция и защита которых становится важнейшей задачей судебной власти.

Очевидно, что ряд традиционных универсальных ценностей, формально определяющих природу суда в демократическом правовом государстве, в России пока не имеет достаточного обеспечения. Это независимость, справедливость и беспристрастность правосудия, неприкосновенность судей (судейский иммунитет), свободный и равный доступ граждан к суду, судебная специализация, законная процедура задержания и предания суду, презумпция невиновности и др. К сожалению, суд как инструмент защиты и восстановления нарушенных прав испытывает кризис, а это обуславливает поиск и использование альтернативных форм разрешения споров и конфликтов, например, медиации. В определенных областях общественной жизни подобная саморегуляция не только допустима, но и должна приветствоваться. Вместе с тем последняя не может заменить официальный (государственный) суд, поскольку не является универсальным и обладающим необходимым легальным принуждением институтом, а соответственно не снимает острой проблемы создания системы гарантий надлежащей организации правосудия.

Признание ценности индивидуальной свободы, вытекающее из либерального учения, в какой-то мере оказалось «ловушкой», поскольку тем самым отвергаются многие коллективистские ценности. Это оставляет индивида беззащитным перед лицом

государственного произвола. По мере поглощения государством функций, первоначально отправляемых институтами самоуправления, в обществе нередко утрачивалось представление об обязанности индивида перед социумом, а, значит, и важнейшая мотивация для объединения. Расширение компетенции государственного аппарата множит обязанности населения перед государством как государственным аппаратом и сужает обязательства перед микросоциумами. Между тем, принцип самоуправления (саморегулирования) традиционно является одним из основополагающих в любых социальных системах.

Не принимая того, что некоторые отношения могут быть предметом саморегулирования, нормотворческие органы и должностные лица создают невидимую завесу между собой и обществом, максимально отчуждая закон от всех его адресатов. Коль скоро общий объем правовой системы уменьшить не удастся, создание новых норм должно быть профессионализировано – все меньшая доля должна оставаться на долю собственно суверена, все большая – переходить к саморегулируемым сообществам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Грозовский Б. Материалы для дискуссии /<http://club.gaidarfund.ru/articles/2086>
- 2 Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / <https://cyberleninka.ru/article/v/zhiznennye-tsennosti-rossiyskogo-naseleniya-shodstva-i-otlichiya-v-sravnenii-s-drugimi-evropeyskimi-stranami>
- 3 Фабрикант М.С., Магун В.С. Гордость за страну и базовые ценности россиян // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 31-38.
- 4 Калабрези Гвидо. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления. М., Издательство Института Гайдара. 2016
- 5 Чернобель Т.Г. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. №1.
- 6 Прежде рассмотрения вопроса о становлении права, А.П. Семитко исследует становление правового сознания. См.: Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 86—106.
- 7 Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 143, 145.
- 8 Туманов В.А. Гегель и современная буржуазная философия права // Философия права Гегеля и современность. М., 1977. С. 37.
- 9 Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. М., 1988. Вып. 2. С. 78.
- 10 Варламова Н.В. Аксиологический аспект правопонимания // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 11.
- 11 Поляков А.В. Либеральный консерватизм Б.Н. Чичерина // Правоведение. 1993. №5.
- 12 Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 233.
- 13 Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983. С. 313, 314.
2009. С. 149.
- 14 Честнов И.Л. Социально-антропологический подход к онтологии права // Социальная антропология права современного общества. Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 97.
- 15 Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 24.
- 16 Мальцев Г.В. Познание права: от юридического позитивизма к новому пониманию права. М., 1996. С. 34—36;
- 17 Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 12;
- 18 Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 54—56.
- 19 Варламова Н.В. Понимание свободы, равенства и справедливости в контексте либертарной концепции права // Российский ежегодник теории права. №1. 2008. С. 45, 46; 30
- 20 Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. С. 49.
- 21 Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 43.
- 22 Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1915. С. 134.
- 23 Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 61.
- 24 Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб. 2001. С. 311.
- 25 Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886. С. 2.
- 26 Циппелиус Р. Общество и право. Основные понятия
- 27 Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания). СПб. 2002. С. 116.
- 28 Buchanan J. The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975;
- 29 Buchanan J. Freedom in constitutional contract. College Station: Texas A&M University Press, 1997;
- 30 Buchanan J., & Tullock G. The calculus of consent. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1962;
- 31 Congleton R. The contractarian constitutional political economy of James Buchanan // Constitutional Political Economy, 2014. Vol. 25. Pp. 39—67.
- 32 Rawls J. Two Concepts of Rules // Philosophical Review. 1955. Vol. 64. Pp. 3—32.

- 33 Kirman A.P., and D. Sondermann, Arrow's Theorem, Many Agents, and Invisible Dictators // *Journal of Economic Theory*, 1972. Vol. 5(2). Pp. 267–277.
- 34 Chong D. *Rational Lives. Norms and Values in Politics and Society*. University of Chicago Press, 2000. Pp. 186 – 211.
- 35 Blau J.H. The existence of social welfare functions // *Econometrica*, 1957. Vol. 25 (2). Pp. 302–313.5
- 36 Seddone G. *Collective Intentionality, Norms, and Institutions: A Philosophical Investigation about Human Cooperation*. Peter Lang, Fr./M. 2014. Pp. 153 – 182.
- 37 Crone K. Understanding Others, Reciprocity, and Self-consciousness // *Phenomenology and Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 17. Pp. 267-278.
- 38 Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Современный социо-анализ: Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда*. – М., 1996, – С. 5-22.
- 39 Plank F., Niemann A. Impact of the Agent's Environment on Discretion in the Field of EU Conflict Resolution // T. Delreux and J. Adriaensen (eds.), *The Principal Agent Model and the European Union*, Palgrave Studies in European Union Politics, 2017. Pp. 131-133.
- 40 Tuomela R. Collective Goals and Communicative Action // *Journal of Philosophical Studies*. 2002. Vol. 27. P. 29 ff.
- 41 Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем., под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб: Алетейя, 2000. – С. 116 исл.
- 42 Deitelhoff N. The Discursive Process of Legalization: Charting Islands of Persuasion in the ICC Case // *International Organizations*, 2009. Vol. 63. P. 33 ff.
- 43 Исаев И.А. Насилие и господство: правовой аспект // *История государства и права*. 2017. №2. С.24-29.
- 44 Денисенко В.В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики
- 45 Денисенко В.В. Социальное государство и его влияние на правовое регулирование // *История государства и права*. 2017. №11. С.13-17.
- 46 Алекси Р. Понятие и действительность права. М., 2011. С. 3.
- 47 Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М., Юстицинформ. 2017. С. 227.
- 48 Поляков А.В. Признание права и принцип формального равенства // *Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / Под общей ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко*. – М., 2016. С. 73.
- 49 Ван Хук М. Право как коммуникация. / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В.Полякова. СПб . 2012.С. 254.
- 50 Luhmann N. *Legitimation durch Verfahren*. Berlin. 1969. S. 28.
- 51 Новгородцев П.И. Демократия на распутье // *Новгородцев П.И. Избр. Соч. М.*, 1995. С. 396-397.
- 52 Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // *Правовое поле современной экономики*. 2012. № 7. С. 51.
- 53 Обэтомсм. Agotnes, T., Hoek, W. van der, Tennenholz, M., Wooldridge, M. Power in Normative Systems // *Proc. of 8th Int. Conf. on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2009)*. Decker, Sichmann, Sierra and Castelfranchi (eds.), May, 10 – 15, 2009, Budapest, Hungary, pp. 145 – 152.
- 54 Абчук В.А., Бункин В.А. Интенсификация: принятие решений: Научно-практическое пособие для руководителей. – Ленинград: Лениздат, 1987. С. 14.
- 55 Ефремов А.А. Оценка эффективности публично-правового регулирования государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации // *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст]: в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 586.
- 56 Осипов М.Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // *Современное право*. 2010. № 5. С. 7 – 10.